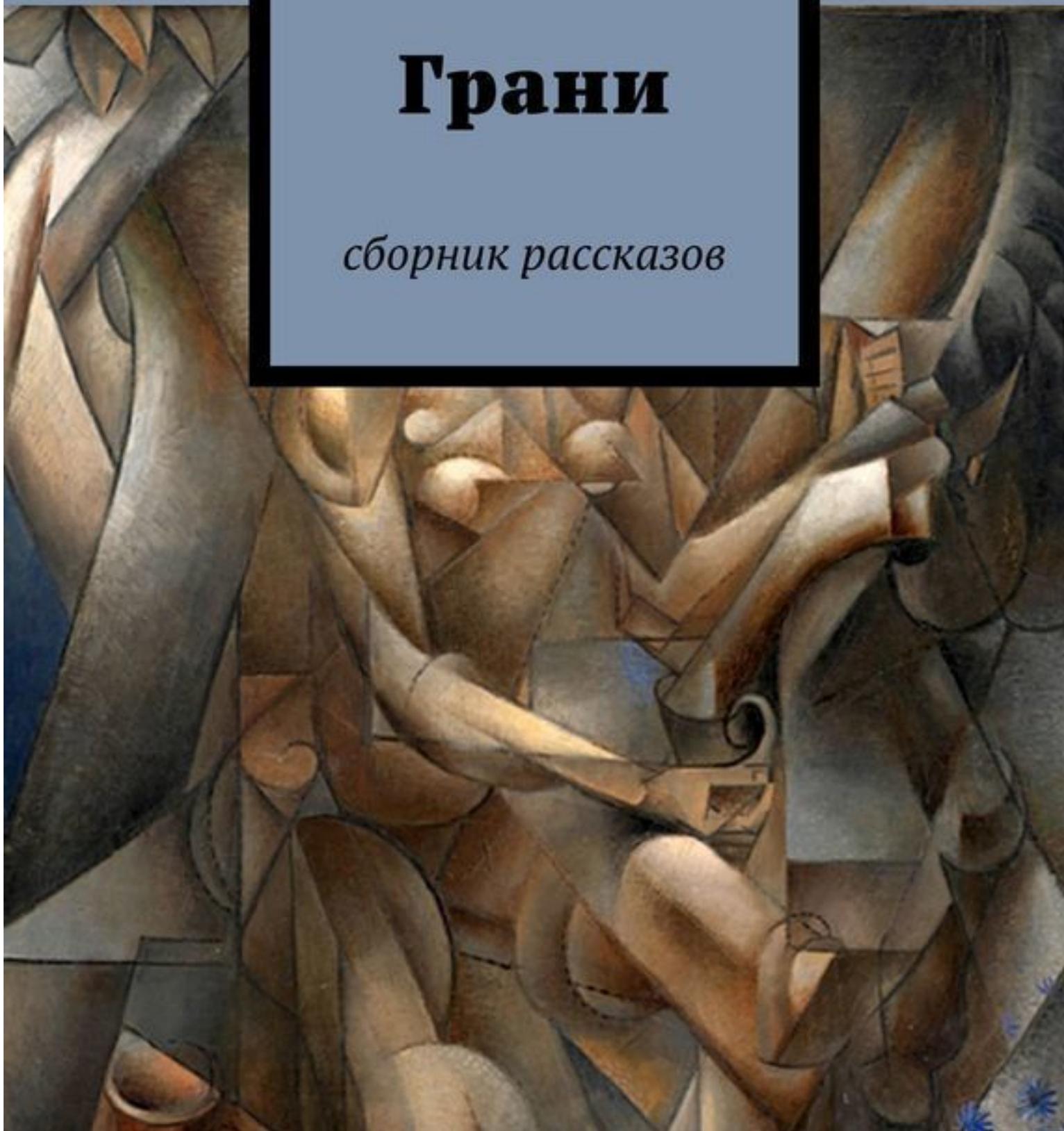

Маргарита Пальшина

Грани

сборник рассказов

Маргарита Пальшина
Грани. Сборник рассказов

«Издательские решения»

Пальшина М.

Грани. Сборник рассказов / М. Пальшина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-744464-8

«Мир многогранен, и у каждого из нас — своя грань. Драма — внутри нас». 6 граней таланта — 6 рассказов о творчестве, искусстве, поиске.

ISBN 978-5-44-744464-8

© Пальшина М.
© Издательские решения

Содержание

Перелицовка	6
Взгляд воды	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Грани

Сборник рассказов

Маргарита Пальшина

*«Мир многогранен, и у каждого из нас – своя грань.
Драма – внутри нас»*

© Маргарита Пальшина, 2017

ISBN 978-5-4474-4464-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

6 граней таланта – 6 рассказов о творчестве, искусстве, поиске. Рассказы в разное время публиковались в известных литературных журналах России, Германии, Дании и Израиля. По жанру близки к «магическому реализму», основным лейтмотивом повествования служат творчество и поиски своего места в мире.

Перелицовка

Книги не умеют стоять прямо на полках: либо поддерживают друг друга, либо клонятся, кто влево, в прошлое, не выдерживая ветра перемен, а кто вправо, в будущее, навстречу потомкам. Библиотека нашей виллы напоминает Александрийскую: во всех комнатах первого этажа книжные шкафы закрывают собой стены от пола до кромки потолка, метров пять в высоту, несколько поколений собирали, мне на всю жизнь хватит и ещё останется, чтобы вернуться призраком и дочитать без спешки. Призраки способны читать сквозь обложки, не открывая книг, и понимать написанное между строк. А пока время и зрение мои ограничены, стараюсь отыскать на полках ту самую, настоящую, которая смотрит в вечность, потому что не чувствую времени. Иногда сегодняшний день представляется послезавтрашним, и я говорю себе: это иллюзия, но потом сегодня вдруг происходит в точности то, что привиделось позавчера, и тогда я не знаю, что ещё сказать. Жизнь, утратившая связь с часами и календарями, кажется безумием.

Сколько моих шагов хранят коридоры виллы? Бесконечные ступени мраморных лестниц, дубовые двери с бронзовыми ручками в номера, где живут картины. Именно живут, и именно картины. Гости у нас редкость, владельцев «золотых карт» Галереи Витторио Эммануэля и в Милане, и в мире можно пересчитать по пальцам. Вилла наполняется человеческими голосами по осени, в сезон конференций, симпозиумов и прочих культурных мероприятий. Летом же всё замирает, слушаешь, как днём от жары потрескивает воздух, а ночью в фонтане поют тритоны. Летом на окна номеров вешают тяжёлые светонепроницаемые шторы, чтобы сберечь картины от выгорания. И я вижу сквозь дверь, как персонажи со старинных портретов расхаживают в полумраке гостиной и о чём-то негромко переговариваются. Но стоит распахнуть её, и встретишься с раскрашенными прямоугольниками в золочёных рамах.

Это дядя превратил наш дом в гостиницу-музей и теперь винит себя, что заточил любимую племянницу в старинном замке, как принцессу из грустной сказки. Последнее воспоминание о родителях: ужин у камина вчетвером (у дяди никогда не было собственной семьи), сангиновые портьеры в столовой, похожие на языки пламени, тянущиеся к потолку, серебро, безупречно белая скатерть. Над столом – портрет женщины в красном на синем фоне, чьё платье тоже напоминало огонь. О чём мы говорили в тот вечер? Помню, было тепло и внешне, и внутренне, мне, единственному ребёнку, прощали любую шалость и никогда не ругали. После их смерти дядя как младший брат унаследовал виллу, а вместе с ней и меня. Считает, мне нужен мир за стенами виллы с его возможностями, мечтами, соблазнами, образование, любимое дело и любимый человек, а преумножением моего наследства он займётся сам. Но от городов у меня начинается агорафобия: улицы подражают коридорам виллы, но стены домов, как бока дельфинов, – скользкие и покатые, не ухватиться, дома щетинятся углами балконов, по улице Данте нарезают круги люди в костюмах манекенов с табличками в руках «Боишься перемен?» и насильно собирают подписи против наркотиков и СПИДа. Театр абсурда! Жизнь как игра, в которую я никак не могу включиться и наблюдаю со скамейки запасных. Мир призрака. Все есть, а меня нет, хотя иногда выбираюсь в Милан – посидеть в кафе, побыть в толпе, но всё равно как бы отдельно.

К тому же я точно знаю: жизнь – картина, тебя нарисовали на ней задолго до рождения, и никто из нас не в силах ни изменить окружающий пейзаж, ни покинуть её пределы. Среди гостей виллы безошибочно отличаю нуворишей от аристократов: сколько бы человек ни заработал денег, его аура – картина происхождения, а меняется только рама. Разглядывая фотографии городов, куда могла бы поехать, обнаруживаю родство меж возведёнными в противоположных концах света. В жизни всегда одно повторяет другое, как вереница образов на портретах. Мои дни – олицетворение дежавю.

В детстве жила внутри захватывающего романа, а сейчас читаю нон-фикшн о ком-то далёком. Но каждое утро продолжаю спрашивать себя: ради чего открыла глаза сегодня? Те, кто вынужден просыпаться по будильнику и бежать на работу, чтобы прокормить семью, вправе считать меня паразитом, хотя любой из вас грезит очутиться на моём месте. Не спешите, вы не умеете жить в пустоте. Современное общество устроено по принципу постоянной занятости: днём – работой, вечером и в выходные – заботой о близких. Побывать собой и наедине с собой не хватает времени, потому что вы не знаете, как поступить с ним, не умеете думать свободным потоком ассоциаций – страшно захлебнуться и утонуть, страшно быть бесполезными. Представьте, как по ночам из года в год вас будит кошмар о том, что звёзды давно заржавели, – и не дожидаясь восхода солнца, помчитесь строить ракету. Я же ночами напролёт смотрю на дождь из окна и всерьёз начинаю верить, что фонари изобрели не для освещения парковых аллей, а чтобы в конусе света испарялись его капли. Если время – вода, и часть её должна обратиться в воздух, то есть и капли-мгновения, которые соберёт водосток. А среди них – одно настоящее, ради чего пролились все остальные. Человека посылают на Землю ради слова, сказанного вовремя и нуждающемуся или ради незначительного и почти неуловимого жеста. Такие мгновения звучат в музыке, запечатлены на холстах, закованы в мрамор и бронзу. Но если не рождён с талантом художника, скульптора или музыканта, о них можно просто рассказать.

Так, в «поисках утраченного времени» я завела дневник. Сперва его страницы загромождались бытовыми мелочами, как пустые комнаты забытым хламом, но потом случилось необъяснимое: день, изучаемый словно под лупой, вдруг стал восприниматься историей – если вообще ничего не происходит, нужно сочинить, найти, вспомнить. Маленькая тетрадка создала вокруг меня мощное магнитное поле, притягивающее в жизнь События.

День, когда я нашла дневник художника, могу восстановить по секундам. Солнечным утром резкие тени от витражей чертили на полу детские классики: прыг-скок туда-обратно по коридору и вниз по лестнице – в библиотеку. Дневник был запрятан меж стеной шкафа и другими книгами. Я потянула одну из них наугад, и толстенная тетрадь в кожаной обложке с ручным переплётom рухнула на пол, раскинув крылья-страницы, как подстреленный беркут.

****

«В древних манускриптах встречается описание казни «кровавый орёл»: жертве срезали кожу и мышцы со спины и выворачивали наружу лопатки наподобие крыльев, смерть наступала медленно, и однажды поверженный воин успел написать стекающей на камни кровью имена убийц. Но имена эти помнит лишь пламя ритуальных костров. Огонь разрушает и создаёт. Искусство – хранитель очага Вселенной. Те из нас, кто, как Икар, подхватил опасную заразу, имя которой «гордыня», рано или поздно будет низвергнут. Мы живём в тёмные, варварские времена:

«Слишком долго Италия была свалкой всякого старья. Надо расчистить её от бесчисленного музейного хлама – он превращает страну в одно огромное кладбище. Музеи и кладбища! Их не отличить друг от друга – мрачные скопища никому не известных и неразличимых трупов...

Давайте! Тащите огня к библиотечным полкам! Направьте воду из каналов в музейные склепы и затопите их! И пусть течение уносит великие полотна! Хватайте кирки и лопаты! Крушите древние города!

Мы освободим человека от мысли о смерти...»¹

---

¹ Из Манифеста «Футуризм» Филиппо Томазо Маринетти парижской газете «Фигаро», 1909 г.

Близится война: современные боги питаются человеческой кровью. Сделка с тьмой не единовременный акт, а череда маленьких соглашений, уступок, ступеней в Ад.

«... и нет ничего прекраснее этого огненного блеска!»

Италия жаждет вернуть былое величие, но не готова принять новых Караваджо и Рафаэлей. Мне платят золотом за копии с картин старинных мастеров, а на портреты раскошеливаются железом, как ярмарочному фотографу². Живопись более не творит историю, но мнится источником накопления богатств. Некогда духовная невесомая красота, переплавленная ныне в роскошь, налилась тяжестью. А стяжательство – мать поджигателей прошлого. Новой эпохи Возрождения не случилось, настало время вырожденцев. Чертежи Леонардо ожили, великие мечты сбылись: по небу летают аэро, тайны камеры обскуры мельтешат на экранах, подражая лопастям вечного двигателя. Мир уподоблен идеальной машине, а слова «природа» и «вечность» утратили заглавные буквы. Магия простых вещей вышла в тираж.

Аромат фруктов на коже и в дыхании юноши, музыка, терпкая, как вино, обещания ночи в глазах лютниста³. Как сохранить волшебство? Воспроизвести чары мгновения? Аромат выдыхается, мелодия едва различима в шуме городов, ночи разбавлены электричеством. Копии обесценивают оригинал, лишают его первоначального света. Творцы прибегали к тиражированию своих полотен, картины за них дописывали ученики. Копиисты, вроде меня, плодили абрисы пустоты, смыслы за пределами сущности. История живописи – иллюзия, оплывающая на глазах свеча, и со временем уже никто не сможет опознать руку мастера. Я не верю ни глазам, ни каталогам, ни заверениям экспертов: многие картины попадают на стены музеев из частных коллекций. Подделки моей кистью украшают гостинные Милана, Парижа, Берлина, Лондона, а собственные дети стоят повернутыми лицом к стене в мастерской. Кто наказал их так жестоко и главное – за что? Что позволено Юпитеру, не позволено быку. Невозможно вообразить, как мадонны Беллини запрыгивают на подножку трамвая или усаживаются, подбирая юбки, в нервно фыркающий авто.

Моим картинам нужен воздух! Им необходимо общество, смотреть людям в лицо. Хочется заботы и восхищения. Но они продолжают подпирать стены, покрываясь язвами облупившейся краски. И кажется, пытке не будет конца. Вся моя жизнь положена на плаху безвестности, она и есть неумелая подделка. Лучше быть бастардом – незаконнорожденным сыном природы, чем долгожданным, но искусственно выращенным в лаборатории внуком⁴. Да, я не могу творить, как мастера эпохи Возрождения, потому что живу в иное время. Не могу видеть мир их глазами. Но я могу повторить их путь. Поджигатели в чём-то правы, существует удел отчаявшихся и отчаянных. Всякий из нас рождён, чтобы добавить миру красок. Выживает в искусстве тот, кто создаёт новое искусство. Новый язык, новую форму. Караваджо утверждал, что Спаситель сделан из плоти и крови, – и писал фотографии⁵. Современному чёрно-белому миру не хватает цвета! У машин не бывает души!

Так, в поисках утраченного времени я решил следовать его законам. Шаг за шагом, за взглядом взгляд и мечта об идеальном цвете – языке первобытных, очищенных от копоти и золота эмоций – завладела мной.

Помню, как ярко светило солнце в день, когда покидал мансарду. Мечты о поездке на Парижскую выставку так и остались мечтами. Не рассчитал денег и на новую жизнь: отка-

---

² Игра слов: ферротипия (ferrum-type) – моментальная фотография на железных пластинках, удешевившая процесс амбротипии (на серебре). Благодаря лёгкости и прочности, её вкладывали в фотоальбомы, посылали по почте, с ней работали профессионально на пляжах, праздниках, ежегодных ярмарках и рынках до первой мировой войны.

³ Картины Караваджо «Юноша с корзиной фруктов», «Музыканты», «Лютнист»

⁴ «Я говорю живописцам, что никогда никто не должен подражать манере другого, потому что он будет называться внуком, а не сыном природы в отношении искусства». Леонардо да Винчи.

⁵ Персонажей для своих картин Караваджо искал в толпе на улицах и площадях и, как многие другие мастера эпохи Возрождения, использовал возможности камеры-обскуры, описанной Леонардо да Винчи, чтобы создавать реалистичные картины.

зался от трёх заказов, а накопления промотал до последней лиры – на женщин, вино, холсты, оперу, лучшие виды Милана, открывавшиеся из просторных мансард. Вору деньги жгут руки, каплями воска утекают сквозь пальцы. Вырученные за чужое искусство, они не могли служить моему. Меня кварталы и спускаясь по лестницам в подвалы бедняков, чувствовал себя бесконечно счастливым, словно возвращался в детство человечества.

Осень обнажала ветви деревьев, давая понять: нет одинаковых линий судьбы на ладонях. Любовь не повторяется дважды, влюбляешься заново, в другую и по-другому, но с тем же накалом страстей. Мелодию можно сыграть на любом инструменте: звучит по-разному, но на одной высоте. Я писал в парках, на улицах и площадях, на рассвете и днями напролёт до кобальтовых сумерек, погружаясь в градации цвета, как в калейдоскоп. Продал несколько полотен скромной галерее на окраине. Купил материалы для работы и продолжил свои эксперименты. Из окон комнатухи в подвале видел лишь ноги прохожих, но теперь мне и этого было достаточно. Научился не выбрасывать заплесневелый хлеб и в буквальном смысле питаться росой – в пекарне над головой по ночам колдовали над сдобой, и карнизы поутру были сладкими. Улочка, где снимал угол, упиралась в мясную лавку, и возвращаясь домой, я с жадностью разглядывал свежие куски, сочившиеся кровью, вдыхал запах плоти, смерти и возрождения, испытывая головокружение голодного хищника. Иногда кисть в руке весила тонну, а разум был ясен, как небо ветреным днём. Листья вихрями кружились в подворотнях, осень становилась злой. Но я знал: Бог не приемлет жертв, жертвы нужны людям, чтобы уверовать. Моё яростное счастье не имело ничего общего с одержимостью. Творчество и есть моя настоящая жизнь, принося себя в жертву, я боролся за выживание. Создавал себя разрушая.

Однажды утром начал задыхаться от приступов кашля. Дождь лил несколько дней, с подоконника текла вода, и на полу уже было по щиколотку. Сыростью, как кислотой, разъедало кожу, холод пронимал до костей. В ужасе ринулся спасать холсты. Первые дни ноября работал в парке, пока дождь не загнал меня обратно в подвал, в забытё болезненных снов. Растелив холсты на кровати, понял: картины потеряли не только форму и контрасты светотеней, но и контуры. У меня в руках мерцали бесплотные цветочные пятна. Фосфоресцирующие призраки плясали в сумраке подвала, повторяя и догоняя друг друга, как капли воды, сливаясь в единое цветочное безумие. Но я верил: активные цвета – живут.

– Отвратительный кашель, дружище! Продолжишь в том же духе, и туберкулёз тебе обеспечен.

Он выскочил на меня из тумана улицы Данте, как Вергилий из преисподней. Прошлое показалось чьей-то чужой жизнью. Отвечать было тяжело, разговор еле теплился. Но делец и не слушает – некогда, время – деньги, сунул в руку визитную карточку со словами «работа тебя убьёт, следует отдохнуть на природе», и его автомобиль затерялся среди трамваев. А спустя неделю принял как почётного гостя на своей загородной вилле, так и не догадавшись о том, что со мной случилось.

Терраса соединяла столовую с садом. Ужин подавали поздно и при свечах. Тонкий звон стекла, похожий на стон, заставил оглянуться. Его жена замерла на секунду в проёме двери, удивившись появлению незнакомца. Красное платье, а за плечами – густая синяя ночь. Моя лучшая картина была написана и заключена в раму».

****

– Картина в конференц-зале.

– Он же в подвале!

– Не в подвале. Цокольный этаж – идеальное место для конференций, просторно и не работает мобильная связь.

– Мы должны вернуть её на прежнее место. В столовую. Картине нужен воздух.

– «Сестра Кардинала» – самое дорогое полотно нашей коллекции, а конференции снимают телевизионщики, картина мелькает на экранах.

– «Сестра» не подлинник, а перелицовка... из портрета моей прабабки.

Художник был случайным гостем на вилле. Мои предки занимались куплей-продажей предметов искусства и аккуратно вели дела, но к семейным архивам относились беспечно: историческая встреча избежала упоминания в переписке, не запечатлена на фотографиях. Как его звали? Имя не феникс. Никто не подписывает свой дневник. Как мог он затеряться среди книг? Художник больше ничего не писал и бросил дневник за ненадобностью, бежал с виллы, забыв его в спешке, погиб? Как бы там ни было, но эскизы – разоблачение прошлого. Картина ожила, сняла маску, и мир вокруг нас пришёл в движение.

Красное платье моей прабабки вспыхивало в полумраке лестницы, пока мы с дядей тащили картину наверх. Синий фон отразил край вечернего неба за окнами, когда мы закрепили её на стене и отступили назад, разглядывая словно впервые. Я ощутила август, его алт-овый, насыщенный тревогой и печалью тон. Лету конец, и отовсюду крадётся осень – нет, ещё не страх, но предчувствие страха. Я знала: неоценённая картина – бесценна, и очнувшись от долгого сна, не согласится жить под чужим именем и с чужим лицом.

Не существует Высшего Суда для искусства: раньше шедеврами считали картины, пережившие время, теперь, когда времени не осталось, – всё, что дорого продаётся. Цены диктуют арт-дилеры: купленная в десять раз дороже у себя же на аукционе картина попадает в каталоги и при последующих продажах будет расти в цене. Со временем её начинают подделывать. Художник стремился вдохнуть прошлое в настоящее, воспроизвести руку мастера, убивая себя. Те, кто пришёл после него, убивают других. Картины малоизвестных художников перелицовывают в шедевры звёзд-современников. Копии больше не пишут, опасно: экспертиза выявит возраст красок и полотна. История, как и память, стирает лица и имена, замещает персонажей второго плана. Воин на полном скаку отрубает головы, а потом оглядывается и видит, что все они – его собственные. Даже наскальные рисунки не вечны: ветер, вода, песок... Наша жизнь – перелицовка: рисуем уважаемых граждан поверх дерзких детей, превращая лёгкий след от улыбки в морщины скорби. Бог сотворил нас подделками – по образу и подобию, если бы жизнь была подлинной, мы бы не умирали.

Дядя просил подождать с экспертизой до весны, не привлекать внимания к картине в сезон наплыва гостей: это может поставить под угрозу всю коллекцию и репутацию виллы. Но способен ли кто-то удержать равновесие, шагнув вперёд и не коснувшись земли? Слова плетут судьбу, дают власть над временем, обрекают на безоговорочную победу. У каждого человека – своя Вселенная, где он – Бог и решает, кому жить, а кому умирать, что считать подлинником, а что подделкой. В моём мире хватало места только для нас троих. Но осень привела в нашу жизнь Настоящую Женщину. Так называл её дядя. Поначалу они и правда были безмятежно счастливы, как все влюблённые. А спустя месяц меня стали будить по ночам громкие споры. Она уговаривала дядю продать виллу и вложить деньги «в дело». В последнюю ночь дверь в спальне не хлопнула – взорвалась. Никогда! Слышала, как он плачет внизу в гостиной. Ещё один узник родового гнезда. Отчаяние, отречение, одиночество – кольца слов прочнее обручальных. В гостиной и я плакала в детстве. Когда родители отправили в школу, плохо привыкала к классу, к порядку, к урокам по расписанию. Однажды в ручке лопнул стержень, и чернила разлились по всему рюкзаку. Смотрела на чернильное море в рюкзаке, бессильно цепенея от страха перед наказанием. Мальчик с соседней парты протянул ручку и чистую тетрадь. Как он догадался? До сих пор помню его улыбку и запах – солнца и черничного пирога. До сих пор кажется, что Земля населена существами с разных планет, и если вдруг встретишь своего, не отпускай никуда, другого такого не будет. Домой за руку привёл дядя. В школу я не вернулась, родители наняли репетиторов. И сейчас картина не позволила нам разнять рук. Настоящая Женщина улетела в Париж, а я приняла нашу связь за пределами крови.

Соперница появлялась неслучайно. Её слова «Реализм нынче не в моде!» сделали дядю завсегдатаем аукционов. Дорогой и растущий в цене авангард выживал из дома старинные портреты кисти малоизвестных художников. Безымянные призраки покидали виллу один за другим. Вместо них со стен тарасились монстры с размашистыми подписями в углах холстов. Думала, старость мне не грозит, если вместо зеркал повешу картины, но глядя на фиолетово-жёлтые, искажённые болью и ужасом лица, хочется умереть или обриться наголо. Когда долго плачешь, лицо застывает восковой маской, а по ночам снятся кошмары о зеркалах. Самый близкий мне человек превращался во врага, отсчитывал ступени в Ад. И нашему противостоянию не было конца. Я не решилась бы бороться за наследство ни с его женщиной, ни тем более с ним. Ждала исхода, пытаюсь отвлечься. Перечитывала строки из дневника художника о безумии как о привилегии, спасительном лекарстве от боли. О том, что борьба между «казаться» и «быть» – путь к возрождению. Оправдывала высшую несправедливость верой в чудо создавать миры, которая даётся лишь тем, кому жить настоящим невыносимо.

Я могла бы обнаружить дневник с эскизами, жёлтая пресса падка на сенсации. Подделка страшна не тем, что мастерам добавляют фальшивых полотен, а тем, что кого-то лишают имени, принося в жертву. И жертва рано или поздно потребует возмездия. Чтобы рухнул карточный домик, достаточно выдернуть одну карту. Чувствовала, дальше – художник позаботится о своей картине.

Сенсация не заставила себя жать. «Махинация века!» – кричали заголовки. Газета трепетала у дяди в руках, как иссушенный ветрами лист, задержавшийся до весны на ветке. Недавно купленные им на аукционе полотна авангарда объявили подделкой.

– Я не знаю кому и во что мне верить! Так мы всё потеряем...

– У нас ничего и не было. Весь мир – подделка.

Мы не смогли вернуть художнику имя, и он уничтожил нас, чужая жизнь никому не нужна. Когда вечером из камина выпало горящее полено, и огонь побежал вверх по портретам, я не удивилась, только поблагодарила мысленно, что дождался отъезда гостей. Мы были одни на вилле, распустили прислугу – поменьше сплетен накануне возмездия. Наутро должны приехать эксперты, оценщики всей коллекции. Мы стояли и смотрели, как огонь пожирает полотна. Молча, не шелухнувшись. Фальшивки считаются подлинниками, если не доказано обратное. Мёртвые люди продолжают жить на портретах. Картины останутся в каталогах. Светлая им память. Огонь разрушает, создаёт – и хранит.

Инстинкт самосохранения толкнул нас навстречу друг другу. Последний шаг и родовое кольцо замкнулось. Языческий ритуал кровосмешения: если старший брат не вернётся с войны, жену наследует младший. Отец не смог подарить тебе её, они не вернулись вместе, держась за руки, но зато есть дочь. Моя прабабка смотрела со стены, как таяли наши тела в отсветах пламени. Её платье – огонь и не загорится, подобное не разрушает подобное. Завтра ей позволят выйти из тени.

За окнами сгущались синие сумерки.

«Синий цвет влечёт в глубину сна без сновидений, – писал в дневнике художник. – Тонешь в бездонном мире много за пределами человеческих чувств. К синеве нельзя прикоснуться, как нельзя догнать горизонт, её созерцают вслепую, будучи уже частью картины, растворившись в ней без остатка. Синий я – провидение, Божье око. Красный меня останавливает на пороге ночи, как факел в руках привратника, обещает тепло, пищу и кров. Красное платье жрицы огня. Жизнь из плоти и крови. Радость и насыщение. Солнце погружается в океан, в водовороте рождается Вселенная. Я шагаю босиком по кромке закатного неба, как канатоходец, храня её равновесие времени-вечности. Жизнь наполняет искусство, искусство творит жизнь».

*2012, Милан-Сенаго
(Вилла Сан-Карло Борромео)*

Взгляд воды

Зачем покупать чужие улыбки? Не лучше ли дарить букеты? Идёт через площадь цветов, мимо красно-жёлто-фиолетового переплетённого благоухания. Живого. До Риальто, где продают маски покойников: выражения лиц не изменились за почти тысячу лет. Никогда не любила маски, но улыбалась подарку – от него.

В тот год радуги над каналами были вертикальными, не повторяли изгибы мостов. Такое запоминается, а память добавляет прошлому золота. Как знаменитые венецианские зеркала. Она приехала в Венецию ненадолго – подучить итальянский, а осталась на несколько лет. В тот день стояла на мосту, смотрела в воду и не знала, куда идти дальше.

Люди не понимают главного. Говорят: Венеция – храм, застывшая в камне музыка. Красивые слова, не более. На самом деле Венеция – это лабиринт, копия человеческой жизни, где улицы – мечты и возможности, а мосты – преграды. Сюда нужно попасть хотя бы затем, чтобы разобраться в себе: заблудиться, увидеть в воде двойника, подумать, не сбилась ли с пути.

Окно распахнулось на дне канала. «Как найти...», – начала она. «Зайди, объясню», – перебило отражение и закрыло окно. Оглянулась по сторонам: никого.

В маленькой квартирке над водой жили зеркала и статуи. Художник писал на заказ портреты через зеркало. В амальгаму венецианских зеркал добавляют золотой порошок, что придаёт отражениям тёплые оттенки, «внутренний свет». Портреты выходили красивее моделей и льстили заказчикам. А для души художник писал статуи, не любил живых: несовершенны. И только её писал без зеркала. Когда заметил на мосту, показалось, радуга. Розовый отблеск, отражение от воды. Но и в тёмной прихожей радуга не исчезла. Радуга рождалась у неё внутри независимо от времени, места, погоды. У многих мастеров были любимые модели: у Рафаэля – Маргарита Лути, у Рембрандта – Саския, у Рубенса – Елена Фоурмен... Почти ничего не известно об их судьбе: как жили, чему радовались, о чём грустили, что пытались забыть. Облик Мадонны и творческий взлёт. Вчерашние наброски – завтрашние шедевры. Выставки картин и независимость кисти. Молчание вдвоём и долгие часы объятий. Нагретая постель и от волос аромат инжира⁶.

Пропала так же внезапно, как и появилась. Вещи по-прежнему висели в шкафу, но зеркала в квартире потемнели. Художник искал её много лет. Чувствовал: ничего не случилось плохого. Знал: жива, уехала из Венеции. Куда? Ни намёка, ни записки. Даже на зеркале.

Сейчас сидят за столиком в кафе с видом на Риальто. Он листает меню: что заказать, чтобы подольше готовили? Говяжий язык, тушёный в красном вине? Фаршированные кальмары? Ризотто с...

---

⁶ Инжир (также известен как фиговое дерево, смоковница, винная ягода) – одно из самых древних растений. Согласно Библии, Адам и Ева, вкусивши запретный плод, открыли свою наготу «и сшили смоковные листья, и сделали себе опоясания».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.